

Экран и сцена. - 1997 -
10-17 апр. - с. 16.

Иван и Ванечка

(Двойной портрет)

Александра ВАСИЛЬКОВА

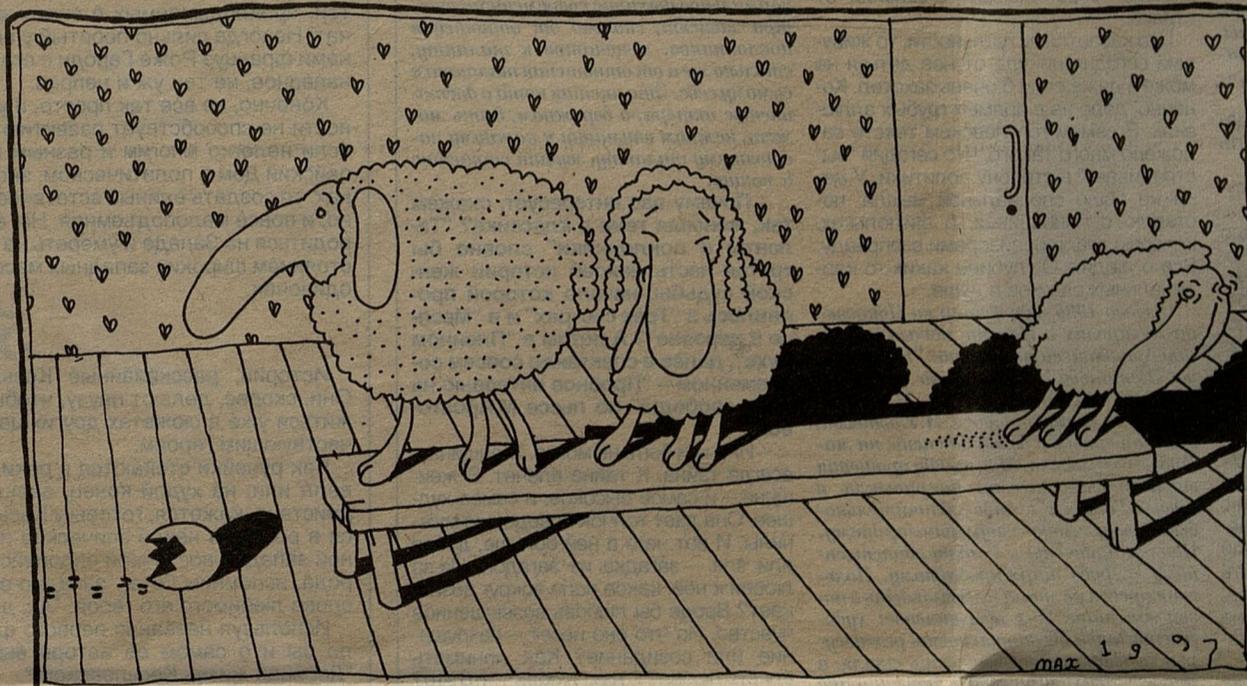
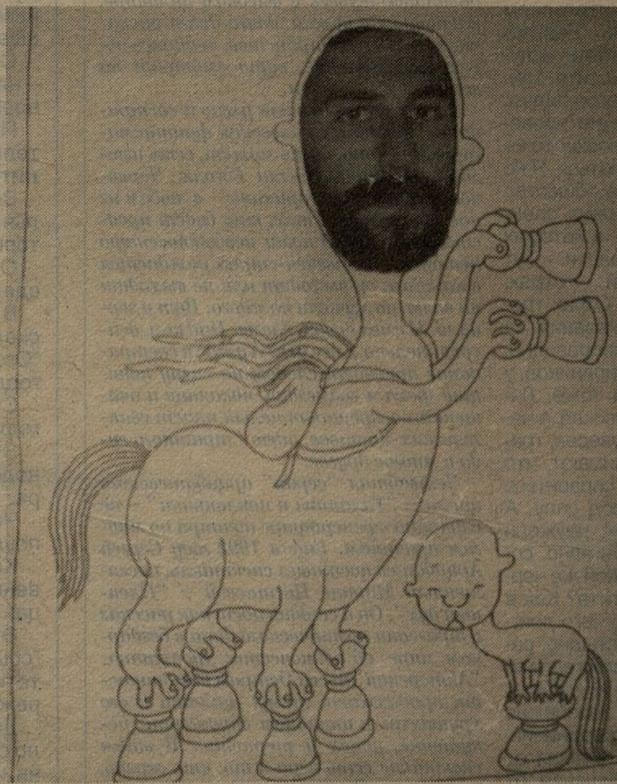
Мой восьмилетний сын, знакомый с Иваном все свои восемь лет, эти понятия строго разграничивает. Если речь идет о том, чтобы позвонить или встретиться, — то с Ванечкой. Если посмотреть фильмы, — то Ивана Максимова, и никак иначе. Мы последуем его примеру. Так вот, Ваня Максимов родился чуть меньше сорока лет назад (как странно... не похож он на солидного сорокалетнего человека, и вряд ли успеет таким стать за оставшиеся полтора года) в семье серьезных ученых. О науке рассуждать не буду, поскольку ничего в ней не понимаю. Был Ваня мальчиком робким, застенчивым и довольно болезненным; к тому же, поскольку оказался младшим ребенком в семье, попал под влияние старшей сестры, принуждавшей несчастного брата играть с ней в куклы. Стал бы он кукольным режиссером — можно было бы на этом остановиться подольше, а поскольку фильмы у него большей частью рисованные, теряем выгодный поворот. Но зато прямой ход к Ване как отцу двух дочерей — здесь он выше любых похвал. Он о них нежно заботится и совершенно на них не давит — да это ему, впрочем, и вообще несвойственно.

Но девочки появились не сразу. До этого Ваня успел закончить школу и МФТИ. Стал работать в Институте космических исследований. Уже тогда в нем пробудились художественные склонности, но применить их было негде, и Ваня — об этом жалостно рассказывал потом, поступая на Высшие курсы, — развлекался и утешался тем, что подбирал по цвету проводочки, которые ему надо было куда-то там припаять. Не удовлетворившись этим, он сам выучился рисовать (копировал хорошие рисунки старых мастеров), и лег пятнадцать лет назад стал делать иллюстрации для журналов. Забегая вперед, скажу, что позже он стал иллюстрировать и книги. И здесь, пожалуй, пора уже говорить не только о Ване, но и об Иване Максимове.

Прошло еще некоторое время, и чуть больше десяти лет назад Иван, к тому времени уже отец семейства и малолетней дочери Коти, она же Екатерина Ивановна (вообще-то он хотел назвать Катериной, но строгий советский ЗАГС не позволил), — так вот, Иван поступил на Высшие курсы режиссеров и сценаристов, на отделение, естественно, анимации, и стал учиться. Нельзя сказать, чтобы мысль об анимационном кино зрела в нем долго и осознанно, скорее — была случайным зерном, упавшим в подходящее время на подходящее место. Но об этом я могу судить только по собственным максимовским высказываниям, поскольку тогда мы еще не познакомились. Как бы там ни было, сейчас даже странно, что Иван мог когда-то — или мог бы вообще — заниматься чем-то другим. Первый же фильм не только получился, он стал визитной карточкой Максимова (в самом прямом смысле — на его карточках кадр из фильма), по нему Максимова, главным образом, и знают, это, как вы догадываетесь, "Болеро". Только то, что видели все, — более поздний вариант, до него была курсовая работа. На просмотре, когда это существо, которое тогда еще не звали "дурилкой картинной" (ну, дайте похвастаться — это я к нему прилепила кличку, хотя само выражение принадлежит, естественно, не мне), — в сценарии это был Кентавр или сокращенно КК, — когда этот тип в третий раз пошел по кругу, все полетело от смеха, а когда в четвертый — просто уползла под стулья. И если бы тогда еще кто-нибудь посмотрел "Болеро", Иван уже наутро бы проснулся знаменитым. А так он какое-то время оставался широко известным в узких кругах.

Уже тогда определился его стиль. Может быть, кто-то считает, что Максимов повторяется, а я радуюсь, с первого взгляда узнав знакомую руку в телевизионной заставке или крошечном сюжетике из "Сезам-стрит", до того коротком, что не успеваешь позвать — "Смотрите, Ванечкин сюжет!" — как все уже кончилось. Но не это главное. Появился свой мир, явно существующий где-то рядом, как мир хронопов и фамов у Кортасара. Если я правильно понимаю, теперь это принято тоже определять как "виртуальную реальность", но уж очень эти слова надоели. Напрашиваются и всевозможные связи с психоанализом (некоторым критикам так просто у каждого максимовского персонажа мерещится бородастая голова доктора Фрейда) и, конечно, очень увлекательно было бы, вооружившись — чем они там вооружаются, психоаналитики? методом, техникой? — словом, чем-то таким вооружившись, Максимова изучить. Но мне больше нравится приходить в этот мир без всякого оружия, ради собственного удовольствия.

Три любимых фильма — "Болеро", "Слева направо" и "5/4". Нет, остальные тоже хорошие и нравятся, но скорее это только напоминание о той стране. Сам Иван говорит, что его фильмы — это домики. Он заглядывает в окошко и видит персонажей, у них там что-то такое происходит, та история, которую он нам излагает. Если бы он прорубил

окошко в другой стене — попал бы в другую комнату, узнал бы другую историю. Может быть, с теми же существами, может, с другими, кто их там знает, когда они из комнаты в комнату переходят и зачем. При этом, воспринимая собст-

венных персонажей как уже существующих в некоем пространстве, Иван уверяет, что создает их вполне сознательно, комбинирует из определенных элементов и смотрит, как лучше получается. В "Слева направо" персонаж вообще один: все, что движется на экране, все эти существа — "поросенок", "многоножка", "хобот", "нюхатель" (так он сам назвал их в сценарии) — только временные порождения массы лунного фарша. А вот, например, слона с квадратным сечением хобота из "Идеальной дырочки" Максимов вообще всерьез не принимает, говорит, что это не персонаж, а символ — трудно, правда, сказать, что он при этом под символом подразумевает.

Ну, фильмы фильмами — Иван сделал новый вариант "Болеро", тот, который потом собирал призы, снял "Провинциальную школу" и "Либида Бенджамина", — а между тем у него появилась младшая дочь. Ее рождение было предсказано моим сыном — на вопрос, кто у Ванечки родится, он уверенно ответил: "Родится девочка, назовут Мухой". Действительно — родилась девочка, назвали Маней, но первое время звали Мухой. Потом, когда она немного подросла и оказалась кудрявой блондинкой, как-то это имя перестало к ней идти. Зато выяснилось — в тот период, когда она ходит уже умела, а разговаривать еще не очень, — что Маня удивительно напоминает другие папины создания, то есть рисованные. Как-то она так же двигалась. Но сейчас ее уже персонажем не назовешь — вполне самостоятельная личность.

К этому времени стало казаться, что и про Ивана Максимова, и про Ванечку мне вроде бы все известно. Хотя на первый взгляд есть в нем некоторая загадочность, но она рассеивается, стоит только задать прямой вопрос (видели его телевизионные интервью? Ну, если нет, то описать это невозможно, это надо видеть и слышать.) Максимов — человек в высшей степени откровенный, но вместе с тем скромный: пока не спросишь, не выступает. Так вот, кажется, уже всем интересующимся было известно не только то, что зимой Максимов ходит в валенках, а летом — в предельно (или беспрельдно?) коротких шортах; что в компании более или менее охотно играет на гитаре и поет (чем неизменно пользуются организаторы фестивалей). Если уж речь зашла о пристрастиях в одежде, самое время упомянуть о любимом блюде; по-моему, это понятие у Ванечки отсутствует — может быть все, что угодно, лишь бы это было сверху намазано майонезом, и всем прочим напиткам

предпочитает какао, — но это все примечания на полях, а речь на самом деле вот о чем.

Казалось, уже известно, чего от Максимова можно ждать и примерно понятно, каким может быть следующий фильм. И тут появились "Нити". Перед этим был долгий инкубационный период, когда он то листал альбомы Хуана Миро, то бесконечно слушал музыку, мучительно обдумывая, что именно можно сделать на предложенную "Союзмультфильмом" тему — снять для сериала смешной фильм про любовь. Потом разговоры о сериале как-то заглохли, а он сделал "Нити", довольно неожиданный фильм. Он далеко не всем нравится; по моим наблюдениям, хотя я не так много людей спрашивала, — нравится в основном женщинам. Я понимаю, там есть к чему придраться. Мне самой не нравится музыка; кого-то, наверное, не устраивает, что нет привычных персонажей, хотя раньше и

говорили — "сколько можно делать одно и то же". Дело не в том, насколько безупречно или безупречно он справился со своей задачей; как известно, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Дело в том, что здесь впервые появилось нечто новое, прежде Ивану Максимову несвойственное. Впервые его фитолюбки интересны не тем, откуда у них растут хвостики и хоботки, а тем, как развиваются их отношения. И, соответственно, впервые они оказались способны и вызвать некое ответное чувство у зрителя — ну, пусть будет у зрителя, пока не доказано обратное. Первый раз получилось не смешно, а трогательно. Посмотреть бы, что будет дальше. Да нет, "творческие планы" Максимова мне известны, я знаю, какие фильмы ему хотелось бы сделать вместо тех, что удалось, и чем он занимался бы сейчас, если бы была возможность. Но ни для кого не секрет, в каком печальном положении сейчас и наше кино, и наша анимация.

Так что пока Иван Максимов, "виртуальный режиссер" (это определение, если не ошибаюсь, принадлежит А. Орлову) фильмов не снимает и когда будет снимать — неизвестно. Но я не теряю надежды. Знаете, как заканчивался литературный сценарий "Болеро"? Последние напечатанные на машинке слова — "ДАЛЬШЕ — ТИШИНА..." (именно так, заглавными буквами). А потом от руки приписано еще несколько строчек, и заканчивается уже так "...и ничто больше не сможет помешать Великому Движению". Разрешите и мне закончить на этой оптимистической ноте.